

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

РАЗГОВОРЧИКИ

Консервативный поворот — продукт страха

Установление «традиционных ценностей» в России может быть не только инструментом, но и оружием

Юлия Баталина

Круглый стол «Загадка российских традиционных ценностей» был одним из немногих событий дискуссионной части форума «После «Пилорамы»: мосты в будущее», открытых для всех желающих: достаточно было предварительной регистрации, а практика показала, что и она не всегда была нужна. Поэтому количество слушателей приближалось к критическому для жанра дискуссии, а реплики порой звучали самые неожиданные.

Вводя собравшихся в курс дела, модератор дискуссии — председатель Пермской гражданской палаты Игорь Аверкиев объяснил, что повестка разговора строится вокруг «доминирующей части публичного дискурса». «С российскими традиционными ценностями происходит то же, что в своё время с демократией: стоит включить, например, утюг, и сразу...» — провёл параллель Аверкиев. По его словам, происходит «новая возгонка» государственной российской идеологии: «Да, у нас плохо то-сё, но сами мы хорошие, потому что у нас есть ценности». Но что такое в реальности «традиционные ценности»? Насколько вообще возможны общенациональные ценности в постиндустриальном, стратифицированном обществе?

В качестве точки отсчёта был взят документ, подписанный премьер-министром Дмитрием Медведевым совсем недавно, в начале июля, — Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 года, где в качестве ценностей перечислены честь, долг, справедливость, милосердие и дружелюбие.

Доктор наук, культуролог Олег Лейбович считает, что «ценности» — это продукт светской общественной жизни.

Олег Лейбович, заведующий кафедрой культурологии ПГАИК:

— Ценности — это продукт XIX века. В Средние века никаких ценностей не существовало: был страх Божий и добродетели. А вот после социальных революций и промышленных переворотов интеллигенция увидела новый мир, возмутилась и придумала ценности — нечто идеальное, что якобы было в старом мире, где не было большевиков, террора, корысти и тому подобного.

XX век пытался определить содержание этого термина, но оказалось, что ценности невербализуемы: жить без них как бы нельзя, но при попытке дать им словесное определение они исчезают.

Кандидат исторических наук Алексей Каменских считает, что, «когда нам говорят, что только мы одни во всём мире можем ценить вышеперечисленное (то есть ценности, перечисленные в Стратегии воспитания, — ред.), это звучит как демонстрация того, что правящей элите

ничего сказать о традиционных российских ценностях».

Видный пермский культуролог, историософ и поэт Вячеслав Раков считает, что «ценности — это опорные моменты в восприятии человеком мира: мир необходимо очеловечить, чтобы он стал выносимым».

Вячеслав Раков, доцент Пермского отделения Высшей школы экономики:

— Традиции — это сложная структура. В центре — вневременное онтологическое ядро, оболочки ядра имеют отношение к конкретике определённого исторического времени, это социальная проекция традиции. Оболочки меняются со временем, а ядро неизменно.

Учёный считает, что мы как «насельники поздней современности» переживаем экзистенциальный кризис и лишь традиции как нечто строго вертикальное позволяют осуществить проект преобразования человека.

Многие высказывали обеспокоенность в связи с обсуждаемым документом — по разным параметрам.

Алексей Каменских, например, увидел в нём желание приватизировать и поставить штамп Made in Russia на том, что принадлежит всему человечеству. Кроме того, историк насторожился, не увидев в списке столь важной ценности, как свобода. Вячеслава Ракова беспокоит перспектива превращения неписанных законов морали в буквально закон. Олег Лейбович относится к документу более расслабленно: он сравнивает Стратегию с Моральным кодексом строительства коммунизма, принятым в 1961 году. По его мнению, люди как жили без всяких кодексов, в мере собственной испорченности, так и живут.

Вернуться к актуальной тематике попыталась московский эксперт Ирина Стародубровская.

Ирина Стародубровская, кандидат экономических наук, Институт экономики переходного периода (Москва):

— Мне кажется, что консервативный поворот в обществе — это инструмент манипуляций, инструмент построения системы «свой — чужой», который опирается на реальные процессы, происходящие в самом обществе. Этот поворот — страшный продукт, продукт страха, а страх

По мнению Ирины Стародубровской (в центре), сейчас нужно не отделять своих от чужих, а объединяться на базе культуры диалога, не утверждать собственные ценности, а учиться уважать чужие

происходит оттого, что в 1990-е годы разрушилась ценностная система, а на её месте ничего не сформировалось.

По мнению экономиста, нынешнее, а тем более грядущее общество — это не совокупность общих ценностей, а совокупность городских субкультур, не всегда способных к диалогу. Сейчас нужно не отделять своих от чужих, а объединяться на базе культуры диалога, не утверждать собственные ценности, а учиться уважать чужие.

Эксперт Центра ГРАНИ Константин Сулимов считает, что сам по себе список ценностей неплох: «Мы что, против справедливости? Мы — не за совесть? Не за честь?» — но при этом станет опасным, если эти ценности начнут изменяться и клеймить людей как недостаточно совестливых, честных и вообще ценностно ориентированных.

Сулимов познакомил участников и слушателей дискуссии с интересным исследованием, проведённым в Европе в начале 2000-х годов. Оказывается, вся Европа измерена с точки зрения ценностей, и при этом Средиземноморье отличается от Скандинавии, и они оба — скажем, от Западной и Центральной Европы.

В России, по словам Сулимова, крайне важными личностными ценностями являются самоутверждение, деньги, власть, влияние; высоко важной — сохранение традиций. А в Германии, например, гораздо выше ценности роста, риска, открытости. Такую ценность, как готовность к взаимодействию, в Германии поддерживают 30% респондентов, а в России — только 2%. Ценность колlettivizma в России, по выражению Сулимова, — «жирный ноль, даже жирный минус». Весьма проблематична в Восточной Европе ценность роста — в Польше, например, всего 6%, в России и того меньше.

Философ Артём Марченков, прибывший из Рима, попытался конкретизировать предмет разговора. По его мнению,

речь идёт не об экзистенциальных, а о колективных ценностях, принципиальная разница между которыми заключается в том, что первые объединяют, а вторые разделяют общество.

Историк Виталий Ковин, преподаватель ПГГПУ, призвал собеседников не недооценивать обсуждаемый документ и при разговоре на общефилософские темы не забывать, что Стратегия, подписанная Медведевым, — это часть содержательной реформы образования. В образовательные учреждения уже поступают установки о том, что воспитание важнее образования, и к 2025 году это заработает в полную силу, руководители образовательных учреждений будут отчитываться, получать за исполнение установок Стратегии деньги и прочие поощрения.

Доктор исторических наук Галина Янковская видит в этом документе угрозу новой цензуры: государство будет выбирать, кого поддерживать, и поддерживать будет того, кто следует «тысячелетним традициям». «Это возрождение имперского дискурса, а отступление от него будет иметь последствия как минимум в срезании средств и лишении грантов», — считает Янковская.

Говорили ещё о многом: например о том, что сейчас публичные лица и творческие деятели, проводящие модернистские инициативы, уже вынуждены маскировать их под традиционные; о том, что ценностные ориентации вбивают клин в общество и повышают уровень агрессии...

И — тут же иллюстрация: в заключение дискуссии поднялся старый коммунист, доктор исторических наук Михаил Суслов, который многим из присутствующих в своё время преподавал историю КПСС, и заявил, что Россия нормально заживёт только тогда, когда истребят всех либералов.

Наглядное доказательство того, что личностные и колективные ценности могут быть не только инструментом, но и оружием.